Мартинович, Д.А. Начало утверждения «профессиональной модели» советской высшей школы (1918 – конец 1920-х гг.) / Д.А. Мартинович // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 107-114.

Д. А. Мартинович

НАЧАЛО УТВЕРЖДЕНИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ» СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (1918 — конец 1920-х гг.)

В статье рассматривается «профессиональная модель», которая разрабатывалась в советской высшей школе. Истоки модели автор находит в общем нигилистическом отношении общества к феномену университета. Первой попыткой реализации принципов профессионализма в образовании стала «модель Пролеткульта» и взгляды лидера этой организации А. А. Богданова. Однако эта концепция, разработанная в конце 1910-х гг., осталась лишь в теории. Первой попыткой практической реализации модели стала «украинская профессиональная» модель, реализованная в Украине в 1920-е гг. Основополагающие принципы обеих моделей (классовый принцип комплектования учащихся, разрыв между научной и учебной функцией высшей школы и фактическое уничтожение университетов в том виде, в котором они существовали до революции) стали основой для «общесоюзной профессиональной» модели, реализованной в СССР в конце 1920-х — середине 1930-х гг.

In article «the professional model» which was developed at the Soviet higher school is considered. The author finds model sources in nigilistic relation of society to a university phenomenon. The first attempt of realization of the principles of professionalism in education i became «Proletkult model» and views of the A. A. Bogdanov, leader of this organization. However this concept developed at the end of the 1910th, remained only in the theory. The first attempt of practical realization of model «the Ukrainian became professional model», realized in Ukraine in the 1920th. Fundamental principles of both models (a class principle of acquisition of pupils, a gap between scientific and educational function of the higher school and the actual destruction of universities in that look which they existed before revolution) became a basis for «all-union professional model», realized in the USSR in the late 1920th — the middle of the 1930th.

Ключевые слова: «профессиональная модель», высшая школа, «модель Пролеткульта», «украинская профессиональная модель», «общесоюзная профессиональная модель».

Keywords: «Professional model», higher school, «Proletkult model», «Ukrainian became professional model», «all-union professional model».

В тысячелетней истории университетов традиционно выделяются три периода (они могут считаться и самостоятельными моделями): «доклассический», связанный с традициями средневекового компоративного университета (XII—XVIII вв.); 2) «классический», связанный с традициями «исследовательского университета» (XIX — середина XX в.); 3) «постклассический», связанный с современным массовым университетом (с середины XX в.) [1, с. 11]. Высшая школа СССР в первое десятилетие существования советской власти развивалась в русле двух моделей «классического университета»: «либеральной» и «прагматической». Первая господствовала в дореволюционной высшей школе в модифицированном виде. Стремление со стороны советского государства исправить ее недостатки привело к разработке модели «свободного университета» (1918 — начало 1920-х гг.), отдельные положения которой соответствовали «либеральной модели», хотя другие противоречили ей. В итоге это обусловило крах модели. Опыт реализации «прагматической модели» в России до революции отсутствовал. Однако при выборе стратегии развития некоторые факторы сыграли в ее пользу. Мыслители, принадлежавшие к философскому течению «прагматизма» (Дж. Дьюи и др.), активно работали над «трудовой теорией» (она интересовала и К. Маркса и Ф. Энгельса на примере начальной и средней школы). Стремясь построить единую систему образова-

Мартинович Денис Александрович — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета. E-mail: denis86@tut.by

ния, руководство Народного комиссариата просвещения (НКП) сделало попытку перестроить на основании «трудовой теории» (прагматической по своему содержанию) и высшую школу. Однако влияние политического фактора привело к тому, что «прагматическая модель», реализованная в 1920-е гг. на большей части территории СССР, приобрела оригинальные черты, которые не встречались в мировой образовательной практике.

В конце 1920-х гг. в системе высшего образования СССР произошли кардинальные изменения, в результате которых был осуществлен переход к «профессиональной модели» (обоснование данного термина см. ниже), положения которой активно разрабатывались на протяжении всего первого десятилетия советской власти. Их рассмотрение и опыт реализации поможет понять причины и особенности «великого перелома» в жизни университетов, который едва не привел к прекращению их существования.

Истоки модели «Пролеткульта», как предтечи «профессиональной модели», необходимо искать в общем нигилистическом отношении общества к феномену университета. Еще в 1901 г. В. И. Вернадский отмечал, что относительно целей и задач университета в России существовало несколько мнений. Наряду со стремлением подчеркнуть образовательное значение университета или вернуться к положению Устава 1863 г. отдельные политики и ученые «выступали за уничтожение университета и замену его специальными школами и научными институтами» [2, с. 5]. Но только после Октябрьской революции нигилистическое отношение получило идеологический оттенок, поскольку университеты стали восприниматься как элемент буржуазной культуры. Первой целостной моделью, в которой были сформулированы такие взгляды, стали положения организации «Пролеткульт».

Ее лидер А. А. Богданов и его сторонники исходили из того, что современная им наука является по своей сути буржуазной и обуржуазивающей. «Только люди, обладающие глубокой пролетарско-классовой сознательностью, — утверждали они, — способны противостоять этому влиянию <...>. Опыт показал, что старая наука и сама по себе, даже при вполне самостоятельном ее изучении, нередко из энергичных выдающихся рабочих <...> вырабатывала буржуазных интеллигентов [3, с. 248—249]. По мнению А. А. Богданова, «перестраивать организации, созданные работой веков и вполне оформленные, вообще несравненно труднее, чем строить вновь. Только при одном условии перестройка может идти успешно — когда она делается по готовой модели. Но вырабатывать эту модель в самих же старых университетах, то есть, очевидно, в неизбежном сотрудничестве с представителями буржуазной науки, значило бы извратить решение задачи в самом его зародыше. Ясно, что такая модель должна вырабатываться вполне самостоятельно в пролетарски классовой идейной обстановке» [3, с. 249].

Исходя из таких взглядов, в проекте, разработанном «Пролеткультом», предлагалось «в целях обеспечения единства плана и экономии сил и средств» закрыть университеты и другие высшие учебные заведения и распустить Академию наук [4, с. 51]. Согласно резолюции Всероссийской конференции рабочих культурно-просветительских организаций (1918) вместо них должен был быть создан Рабочий университет — «целостная система культурно-просветительских учреждений, построенная на товарищеском сотрудничестве учащих и учащихся и последовательно ведущая пролетария к совершенному обладанию научными методами и высшими достижениями науки». Таким образом, университет рассматривался в широком значении слова. Центром этой системы должен был стать Рабочий, или Пролетарский, университет [3, с. 238].

В основе модели «Пролетарского университета» были заложены две тенденции. Первая из них соответствовала эпохе, романтическим коммунистическим настроениям и отчасти отражала модель «свободного университета» (сотрудничество учащих и учащихся). Кроме того, в резолюции Всероссийской конференции «Пролеткульта» указывалось, что «доступ в Пролетарские Университеты должен быть свободен в первую очередь для рабочих, лишь

с необходимой в интересах самих слушателей товарищеской проверкой» [3, с. 250]. Следовательно, образовательный или материальный ценз внутри представителей одного класса отсутствовал.

Вторая тенденция соответствовала более поздней эпохе и во многом предвосхитила «прагматическую» и «профессиональную» модели 1920-х — середины 1930-х гг. Для обеих было характерно доминирование классового принципа при формировании состава учащихся («Пролеткульт» в первую очередь ориентировался на рабочих). А. А. Богданов настаивал на требовании, которое позднее стало основополагающим при выработке модели «профессионального университета» в конце 1920-х гг.: необходимость проявлять свою гражданскую активность, доказательством которой «должна служить или общественная должность, или рекомендация со стороны политических, культурных, экономических организаций» [3, с. 251—252]. Впрочем, такие инициативы исходили и со стороны учащихся. Например, студенты Московского пролетарского университета сразу после образования своего учреждения постановили «вести, как обязательную для всех <...> просветительскую и агитаторскую работу в московском гарнизоне» [3, с. 267].

Связь с будущей общесоюзной «профессиональной моделью» также видна по уровню вузов и категориям специалистов, которые они должны были готовить. Согласно резолюции Всероссийской конференции «Пролеткульта», был намечен общий программный план университета, который включал три цикла (или курса): подготовительный, основной и специализированный. Например, программа первого курса, разработанная для Московского пролетарского университета, предусматривала следующие курсы: организацию устного изложения и обсуждения, методы письменного изложения, способы использования литературы и источников; математику, физику, введение в химию, введение в астрономию, геологию в связи с геоморфологией, физиологию, физиологическую психологию; введение в политическую экономию, введение в русскую историю в связи с всеобщей, введение в изучение научного социализма, историю рабочего движения и формы рабочих организаций и формы общественности [3, с. 265—266]. Фактически такая программа представляла собой нечто среднее между средней школой и политкурсами для взрослых.

Второй цикл должен был «заложить основы социалистического миропонимания». И лишь на третьем студент получал возможность обучаться на одном из факультетов: техническом, экономическом и культурном [3, с. 252—253]. По мнению А. А. Богданова, выпускник подготовительного курса мог являться «достаточно сознательным агитатором или полезным работником какого-нибудь учреждения», основного курса — знающим пропагандистом и ответственным работником-неспециалистом, специализированного — ответственным работником-специалистом, «а при случае – лектором, хотя не высших курсов» [3, с. 261]. Таким образом, университет должен был стать идеологическим учреждением, что особо проявилось в конце 1920-х — середине 1930-х гг.

В теоретической «модели Пролетарского университета» выше трех циклов должна была находиться Социалистическая академия, которая должна была являться ученым коллективом университета [3, с. 261]. Как писал А. А. Богданов, между Академией и университетом «необходима тесная связь, которая в свое время завершится их полным организационным слиянием» [3, с. 261—262]. Таким образом, если при модели «свободного университета» научная и учебная ассоциации находились на одной горизонтальной линии [5, л. 4], то при «модели Пролетарского университета» — по вертикальной, что еще более отдаляло науку и обучение.

Тем не менее модель «Пролетарского университета» фактически осталась в теории и практически не была реализована на практике. Весной 1918 г. был создан Пролетарский университет в Москве [3, с. 249]. Однако общая неподготовленность инициаторов его открытия, случайный преподавательский коллектив и слабый набор слушателей обусловили быс-

трое закрытие вуза [3, с. 249]. Вторая попытка была сделана весной 1919 г., о чем свидетельствуют воспоминания архангельского коммуниста А. П. Волгина: «В марте 1919 года меня <...> командировали на учебу в Москву, в Пролетарский университет. <...> Пролетарского университета, собственно, еще не было. Его только собирались открыть» [6]. Организаторы столкнулись со сложностью при наборе абитуриентов и даже не смогли «открыть второго курса в полном масштабе: была выделена лишь старшая группа в несколько десятков человек» [3, с. 265]. «Программа университетских занятий была своеобразной, — писал А. П. Волгин. — Начали с древней истории и стенографии. Через неделю занятия были прерваны. Студентам предложили съездить домой за бельем и одеждой. <...>. В университет вернулись немногие. <...> Вечером 1 мая нам сообщили, что по указанию ЦК партии занятия в нашем университете и на агитационных курсах ВЦИКа прерываются на месяц. Слушатели во главе с уполномоченными Центрального Комитета партии и ВЦИК отправлялись на места для оказания помощи в работе партийных и советских органов. <...> Восемьсот курсантов разъехались по стране. <...> [Через три месяца я] вернулся в Москву, но Пролетарский университет уже был закрыт [6]. 5 августа 1919 г. появилось постановление ЦК РКП(б)» [7, с. 85]. Приведенные воспоминания позволяют судить о непродуманности программы, прерывистости и хаотичности занятий, использовании студентов во внеучебных целях.

Согласно информации А. А. Богданова, на 1919 г. пролетарские университеты действовали в регионах России: в Петровске и Орле, был разработан проект в Екатеринославе, получено известие о решении организовать пролетарский университет в Туле. Учебные заведения в Екатеринославе и Туле были организованы по московскому образцу, заложенному в резолюциях Первой Всероссийской конференции «Пролеткульта». Но их уровень был совершенно низким: так, университет в Петровске характеризовался А. А. Богдановым как «просто широко поставленные научно-популярные секции для взрослых», а в Орле — как «народный университет» [3, с. 263]. Сохранились сведения о существовании Пролетарского университета в Симбирске (Симбирский пролетарский университет, существовавший в 1919—1921 гг.) [8], Великих Луках (Пролетарский университет народного образования) [9], а также Эстонского пролетарского университета (образованный в 1919 г., он также назывался Университетом Эстляндской трудовой коммуны и в 1919—1920 гг. подчинялся ей, с 1920 г. — НКП РСФСР, а в 1921 г. был реорганизован в педагогический институт [10]).

Идеи, которые пропагандировал «Пролеткульт», несомненно, отражали взгляды значительной части новой интеллектуальной элиты страны. Например, в декабре 1918 г. в газете «Правда» было высказано мнение, что «государственные университеты, несмотря на попытки впрыснуть в них эликсир жизни в виде бесплатности обучения и свободного приема, определенно умирают, как умерло господство буржуазии» [7, с. 84]. Сторонники ликвидации университетов находились и в отделе высших учебных заведений наркомата просвещения, что затрудняло подготовительную работу по реформе высшей школы [11, с. 64]. В 1918 г., когда советская власть только определяла свое отношение к высшей школе, рассматриваемые идеи были отвергнуты и даже не выносились на обсуждение делегатов Первого совещания по реформе высшей школы. При этом «Пролеткульт» был отстранен от разработки политики в сфере культуры (наверное, из-за активности этой организации в борьбе за власть [12, с. 309—310]).

Идеи «Пролеткульта» остались в истории скорее как теоретическая модель, поскольку практически не были реализованы на практике. Однако концепция А. А. Богданова, несомненно, заложила основы будущей «профессиональной модели». Именно ряд основополагающих принципов последней (классовый принцип комплектования учащихся, краткосрочность обучения, разрыв между научной и учебной функцией высшей школы и фактическое уничтожение университетов в том виде, в котором они существовали до революции) впервые нашли свое отражение именно в программных материалах «Пролеткульта».

«Украинская профессиональная модель» (1920-е гг.). После ухода «Пролеткульта» с политической сцены образовательная концепция этой организации получила распространение в Украине. На рубеже 1920—1921 гг. в Москве прошло партийное совещание по вопросам народного образования, на котором обсуждали и проблемы высшей школы. На заседаниях были представлены две модели образования: украинская («профессиональная») и российская («политехническая», фактически — «прагматическая»). Учитывая то обстоятельство, что на совещании обсуждались и проблемы высшего образования, а также мировоззренческое единство всех ступеней школы, эти названия корректно перенести и на вузы. Это дало основание говорить об «украинской профессиональной модели» применительно к высшей школе этой республики в 1920-е гг. (поскольку принципы модели в конце 1920-х гг. были распространены на весь СССР, то ее корректно называть «всесоюзной профессиональной моделью»).

Заметим, что до середины 1930-х гг. в СССР отсутствовал единый орган управления в сфере высшего образования (существовали лишь национальные народные комиссариаты просвещения: РСФСР, УССР и т. д.). С целью координации работы двух ключевых республиканских наркоматов 20 марта 1920 г. А. В. Луначарский предложил своему коллеге Г. Ф. Гринько представлять в Москву весь информативный и инструктивный материал, который имеется в распоряжении НКП Украины и издается им, обязуясь делать со своей стороны то же самое. Оба наркомата 8 мая приняли общее постановление «О единстве образовательной политики» и затем обменялись постоянными представителями [13, с. 55]. Однако на практике украинский НКП не подчинялся российскому. При этом после образования СССР на совещаниях НКП РСФСР и НКП УССР неоднократно поднимался вопрос об унификации системы образования (декабрь 1922 г., октябрь и декабрь 1923 г., октябрь 1924 г.). Вопрос о единой системе народного образования предполагалось включить в повестку дня второго партийного совещания, которое было намечено на февраль 1925 г. Однако оно так и не было созвано, в результате чего проблема осталась нерешенной [13, с. 75—76].

Поскольку на том этапе унификация образовательной системы не была реализована, Украина получила возможность реализовать свои разработки на практике. При этом остальные советские республики, в том числе и позднее вошедшие в состав СССР как союзные или автономные, руководствовались «прагматической моделью».

Реализация «прагматической» и «профессиональной моделей» в 1920-е гг. позволяет выделить ряд общих черт. Во-первых, единство в управлении высшей школой и профессионально-техническим образованием. Система образования Украины, традиционно разделявшаяся на 3 ступени (начальная, средняя и высшая), была кардинально изменена. С одной стороны, устанавливался 2-ступенчатый раздел на начальную и высшую школу, а с другой — было проведение деление процесса и смысла воспитания на две составляющие: социальную и профессиональную. Начальное образование включало в себя две части. Первую (от социального воспитания) составляли детские сады, очаги и детские дома (4—8 лет) и 7-летние трудовые школы (8—15 лет). Вторую (от профессионального образования, 15—18 лет) — профессиональные школы и социально-экономические курсы, куда поступали «подростки с объемом знаний семилетки по классовому принципу» [14, с. 4]. Таким образом, профессиональное образование было представлено и на начальном, и на высшем (вузы) уровне.

Восторжествовал административный принцип руководства вузами, тем более что у украинских вузов отсутствовали давние традиции, связанные с автономией или борьбой за нее (что было характерно для соответствующих высших учебных заведений наиболее крупных российских городов). Поэтому неудивительно, что в начале 1920-х гг. управление школой приобрело «неизбежно единоличный характер». Для объективности следует признать, что руководители сферой высшего образования говорили в 1922—1923 гг. о достаточных предпосылках к переходу власти в высшей школе к правлениям, комитетам и школьным советам,

«комплектуемым из учащих, учащихся и технического персонала» [15, с. 178]. Однако эти заявления имели скорее декларативный характер.

Еще более важным было соблюдение классового принципа комплектования студентов. В те годы открыто признавалось, что в Украине, как и в остальной части СССР, «подбор в высшую школу делается уже преимущественно партией, профсоюзами, комнезамами. Поэтому окончание начальной школы или профшколы вовсе не есть залог или привилегия для поступления в высшую школу» [16, с. 8]. Украинские партийцы стремились «сделать общедоступной для рабочих и крестьян не только школу начальную, но и среднюю и высшую», чтобы «школа стала цитаделью борьбы за свержение буржуазии». Они стремились «прекратить доступ в высшую школу дворянам и всем капиталистам. <...> Установить пути возможности для овладения высшим образованием рабочими и крестьянами» [17, с. 19]. В итоге прием в первой половине 1920-х гг. являлся классовым. В 1926—1927 гг. были введены вступительные экзамены, но сохранен классовый принцип через введение курий (рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, служащие). Процентные соотношения каждой из них устанавливались заранее [13, с. 125].

Еще одной непременной характеристикой «модели» было, хотя и медленное, внедрение во все области вузовской деятельности марксистско-ленинской идеологии. Правда, даже в 1929 г., после перехода к «общесоюзной прагматической модели», политкружки охватывали только 42,7 % украинских студентов, хотя в отдельных вузах — до 70—80 %. Но уже в 1930 г. в вузах Украины были введены обязательные политчасы [13, с. 261—262].

Различия между «прагматической» и «профессиональной» моделями заключались, прежде всего, в типах вузов. Если практически во всем СССР их олицетворяли университеты и институты, то в Украине — институты и техникумы. В своих преобразованиях представители украинского НКП исходили из того, что ранее университет являлся «цитаделью буржуазного просвещения». А поскольку во время Великой Французской революции все 22 университета были ликвидированы как насаждавшие феодальное самосознание, то образец такой политики был принят на вооружение (теперь университеты должны были быть уничтожены как носители капиталистического сознания). По мнению чиновников, в вузах «разноречивые просветительные организации юристов, философов, врачей и математиков были несуразно объединены под одной крышей». В результате университеты в 1920 г. прекратили свое существование [14, с. 4].

Различие между типами украинских вузов заключалось и в том, что техникум задумывался не как среднее учебное заведение, не как «проходной двор для поступления молодежи в институты» [16, с. 61], а как «высшая школа, дающая в отличие от института определенную узкую специализацию» [14, с. 7], «отрасль народного хозяйства», которая ограничивает и заостряет подготовку молодежи узким кругом знаний и готовит ее к специальности и узкой отрасли народного хозяйства [16, с. 9]. Причем первоначально техникумы считались средними учебными заведениями и лишь с 1922 г. получили статус высших. Они были приравнены к практическим институтам, которые существовали в РСФСР с 1920/21 учебного года [13, с. 70]. На практике далеко не все техникумы соответствовали статусу вузов. Даже в советской историографии признавалось, что «в большинстве своем они представляли собой небольшие учебные заведения в составе одного-двух отделений, с незначительной пропускной способностью». В среднем на один техникум приходилось всего 185 студентов [13, с. 79].

В то же время институт должен был давать широкую и всестороннюю подготовку, чтобы создать «руководителя или организатора широкой отрасли народного хозяйства и государственного строительства» [16, с. 8]. По мнению организаторов, на этом уровне образования предполагалась не детализация знаний (якобы этот уровень уже усвоен), а обобщение, синтез, метод. «В этом отношении наши институты напоминают университеты, — признавались руководители образовательной сферы, — но на практической основе» [16, с. 77].

Для «прагматической модели» было характерно незначительное количество вузов: в 1922 г. на заседаниях Главпрофобра РСФСР утверждалось, что «задача состояла в приведении сети учебных заведений в соответствии с той материальной базой, которую могла доставить наша разоренная страна» [18, л. 40]. По информации главы украинского Главпрофобра Я. П. Ряппо, на май 1923 г. в РСФСР на государственном обеспечении осталось 14 университетов, на местом — 9 [16, с. 63]. А вот в Украине количество высших учебных заведений значительно превысило эти российские параметры. Так, на начало 1921 г. только институтов насчитывалось 38 [13, с. 60]. Количество же техникумов даже после их преобразования в институты в 1923 г. насчитывалось до 195, а в следующем году – до 145 (в последующем их численность стабилизировалась) [13, с. 71]. Вряд ли такое количество вузов соответствовало потребностям республики (при том, что Западная Украина находилась в составе Польши).

Если при «прагматической модели» делался лишь акцент на увеличении специализации и профессиональной подготовки, то в Украине каждый из вузов являлся строго профессиональным. Среди них выделялись следующие направления: индустриально-техническое, сельскохозяйственное, социально-экономическое, медицинское, педагогическое, художественное. Выше по статусу находились научно-исследовательские кафедры и академии [14, с. 5; 17, с. 57, 177]. Следует подчеркнуть, что «украинская модель» отрицала необходимость научно-учебной функции вузов. Лидеры украинского образования подчеркивали, что высшая школа веками стояла «вне жизни», поэтому формулировала законы человеческого развития «в исключительно сложной философской системе», а ее работники занимались «наукой ради науки» и «искусством ради искусства» [14, с. 4, 35].

Большинство деятелей украинского высшего образования критически относились к происходящим преобразованиям. Сохранились свидетельства о ряде протестов со стороны вузовских и академических кругов. Например, научно-учебный совет Харьковского института теоретических наук (ИТЕН), объединенный с Институтом народного образования (ИНО), отправил перед слиянием в Главпрофобр записку, где высказывались опасения относительно переориентации фундаментального образования на выполнение «одномоментных» педагогических заданий. Профессура предлагала создать при ИНО специальный исследовательский институт для подготовки преподавателей и ученых работников высшей школы, а также для обеспечения интересов «чистой науки». Подобные письма поступали и из других городов. Например, Г. Г. де Метц, профессор бывшего Киевского университета (тогда ИНО), писал в середине 1920-х гг. в Украинскую академию наук о том, что «с ликвидацией университетов на Украине положение <...> резко изменилось на худшее, поскольку после превращения университетов в педагогические институты научно-исследовательские учреждения перестали получать средства, необходимые для ведения научной работы, и, таким образом, научная работа в физических лабораториях стала постепенно замирать и останавливаться. В результате создавшегося тяжелого положения многие физики стали уходить на службу в РСФСР, где в это же самое время старые очаги просвещения не только поддерживались, но и открывались новые институты и лаборатории» [19, с. 256—257]. Еще ранее, в 1922 г., один из украинских профессоров пытался убедить реформаторов, что «все кафедры высшей школы должны иметь научно-исследовательский характер и во главе их должны стоять ученые» [13, с. 128]. Той же позиции придерживалась комиссия медицинского факультета Киевского мединститута, о чем свидетельствует ее докладная записка Главпрофобру от 28 апреля 1922 г. [13, с. 128—129]. Смысл же деятельности созданных научно-исследовательских кафедр был подвергнут критике на первом Всеукраинском съезде ученых (февраль 1925 г.). Делегат Киевского ИНО заявил, что «научно-исследовательские кафедры дают разительный пример невозможности научным работникам стать на ноги и уйти в исследовательскую работу» [13, с. 129].

Таким образом, «профессиональная модель» стала неотъемлемым элементом образовательной системы высшей школы Советской России и всего СССР в первое десятилетие

советской власти. Ее реализация проходила в несколько этапов. На первом из них, «пролеткультовском», были разработаны теоретические основы. На втором, «украинском», большая часть их них была реализована на практике в условиях одной из республик. Основополагающие принципы «Пролеткульта» (классовый принцип комплектования учащихся, разрыв между научной и учебной функцией высшей школы и фактическое уничтожение университетов в том виде, в котором они существовали до революции) получили в Украине свою практическую реализацию. При этом, с одной стороны, «украинская модель» оказалась куда более узко специализированной, чем ее предшественница. С другой стороны, она не ставила перед собой задачи по краткосрочности обучения и полному доминированию в сознании студентов марксистко-ленинской идеологии. Последние аспекты стали определяющими на следующем этапе развития «профессиональной модели» (конец 1920-х — середина 1930-х гг.), при котором она получила распространение на весь СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. «Быть русским по духу и европейцем по образованию» = «Russian in spirit and European by education»/ Германский исторический институт в Москве. М. : РОССПЭН, 2009. 335 с.

2. *Вернадский В. И.* Об основаниях университетской реформы. М. : [б.и.], 1901. 17 с.

3. *Богданов А. А.* О пролетарской культуре. 1904—1924. Л.; М. : Книга, 1924. 344 с.

4. *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция: Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М. : Наука, 1972. 471 с.

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 2306. Оп. 18. Д. 63.

6. *Волгин А. П.* Омега в огне. Архангельск : Архангельское книжное издательство, 1963. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sudmed-nsmu.narod.ru/region/volgin/5.html. — Дата доступа: 21.8.2012.

7. *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы (1917—1938 гг.). Уфа : Башк. кн. изд-во, 1973. 472 с.

8. Симбирский пролетарский университет. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://museum.ulsu.ru/layout. — Дата доступа : 21.8.2012.

9. *Сычев А. А.* Из истории одной станции. Великие Луки : [б.и.], 2009. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://pskovrail.narod.ru/2011a/86.html. — Дата доступа : 21.8.2012.

10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://guides.rusarchives.ru/browse/gbfond.html?bid=237&fund_id=807023. — Дата доступа : 21.8.2012.

11. *Кейрим-Маркус М. Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 — середина 1918 гг.). М. : Наука, 1980. 198 с.

12. *Горбунов В. В.* Ленин и социалистическая культура (Ленинская концепция формирования социалистической культуры). М. : Мысль, 1972. 340 с.

13. Вища школа Украïнськоï РСР за 50 років / Керівник авт. коллективу відп. ред. вид. В. І. Пітов: у 2 ч. Ч. 1: 1917—1945 рр. Київ : Видавництво Київського университету, 1967. 335 с.

14. Народное просвещение на Украине / Народный комиссариат просвещения УССР. Харьков : Червоний шлях, 1924. 213 с.

15. *Ряппо Я. П.* Система народного просвещения Украины. Х. : Госиздат Украины, 1925. 231 с.

16. *Ряппо Я. П.* Реформа высшей школы на Украине в годы революции (1920—1924). Х. : Госиздат Украины, 1925. 153 с.

17. *Ряппо Я. П.* Что дала революция в области просвещения на Украине. Х. : Книгоспілка, 1927. 122 с.

18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 250.

19. *Поляков Н. В.*, *Савчук В. С.* Классический университет. Днепропетровск : Изд-во Днепропетровского ун-та, 2007. 596 с.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2012 г.